

Владимир Матвеев

ВОЖДЬ

Бастард бога

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
М33

«Ведунская серия»

Оформление обложки *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

М33 Матвеев, Владимир

Бастард бога: роман / Владимир Матвеев. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2017. — 384 с. (Ведунская серия).

ISBN 978-5-17-104648-4

Он и его спутник — продукты генной инженерии далекого будущего. Великолепный воин, лидер, вождь. Его предназначение — объединить вокруг себя разумных нового открытого мира и сделать так, чтобы этот мир стал полноправной частью большой и могучей державы. Но что будет, если в его судьбу вмешается высший жребий?

Нет больше за спиной сильного государства, нет внутренних установок и ограничений, что вложили в него его создатели. Да и мир перед ним совсем не тот, куда он должен был попасть. С ним остались только умения, верный друг, добрые клинки и внутренний порыв, толкающий совершать поступки, согласующиеся только с его понятием чести. Что его ждет впереди? Сможет ли он изменить мир, ставший для него домом?

Каков будет избранный им путь?

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-104648-4

© Владимир Матвеев, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Пролог

Мир Тивалена. Крах

На выщербленном балконе некогда величественной башни, а сейчас дышавшей на ладан конструкции, стояло трое мужчин: седой старик в длинном балахоне небесного цвета, державший в руках резной посох, и два воина с многочисленными кровавыми повязками на различных частях тела. По всему было видно, что они совсем недавно вышли из боя: кровь, просачивающаяся сквозь намотанные прямо поверх доспехов бинты, еще не засохла и не приобрела свой темно-бурый цвет, а яркими алыми красками разливалась по серым от грязи холстам.

Старик, положив подбородок на навершие посоха, который он держал перед собой, усталыми глазами смотрел на раскинувшуюся внизу равнину, по границам которой, огибая ее по окружности, несла свои воды полноводная и очень широкая река. Из-за ее огромных размеров могло показаться, что не река огибает равнину, а наоборот, суша большим полуостровом, напоминающим разбухшую дождевую каплю, вдается в ее воды.

В мире уже давно хозяйничала весна, поэтому вид на равнину, расцветшую и благоухающую в этот благословенный период, не мог не завораживать. Пожилой мужчина невольно улыбнулся, глядя на все это великолепие, но буквально через миг глаза его наполнились такой тоской и горечью о безвозвратно утерянном, что и так не отличавшаяся великолепной осанкой фигура старого человека согнулась еще больше. И, наверное, если бы не посох, на который он облокотился, этот неведомый груз душевных мук окончательно согнул бы его, превращая в безвольную куклу.

С правой стороны от старика стоял большой, просто громадный, детина, облаченный в длинную кольчугу с крупным зеркалом на груди, опоясанный широким поясом, на котором в простеньких ножнах висела великолепная тяжелая сабля, отличительный признак всех урукхаев. Представителем именно этого славного племени воинов-животноводов, которые кочевали по бескрайним равнинам восточных степей, и был этот мужчина, который сейчас опасливо смотрел себе под ноги. На его смуглом, с легким медным отливом лице, с массивными надбровными дугами, которые нависали над уголками темных глаз, явственно читалось удивление, почему этот балкон и вообще вся башня еще не рухнули. Занятый этими мыслями, он поднял правую руку, облаченную в кожаную перчатку с нашитыми на ее тыльной стороне стальными пластинами, чтобы почесать себе затылок, но только болезненно поморщился, наткнувшись на окровавленную повязку.

Третьим в этой компании был альв, вернее светлый альв. Представитель гордой и заносчивой расы, отличительными чертами которой был высокий рост, аккуратные прижатые к черепу заостренные уши, светлые волосы и большие бирюзовые глаза. Были еще и темные альвы, отличавшиеся от своих светлых собратьев только цветом кожи, волос и глаз. Обе расы верили в одних и тех же богов. Считали своей колыбелью леса Тивалены, но в то же время были непримиримыми соперниками. Как и на урукхае, на нем была кольчуга. Только, в отличие от доспеха степного воина, она полностью соответствовала своему владельцу и была такой же изящной, как и сам альв. Сплетенная из тысяч блестящих колечек, она казалась невесомой, а носивший ее воин ощущал свою броню как вторую кожу.

Левая рука альва была заключена в лубки и висела на перевязи, перекинутой через шею. Беспольный теперь лук, в обращении с которым альвы, что светлые, что темные, были первые мастера, висел за спиной в украшенном растительным орнаментом налуче. Кисть правой руки покоилась на рукояти тонкого, слегка изогнутого альвийского меча, в навершие которого был вставлен крупный драгоценный камень. Сам меч покоился в резных деревянных ножнах, которые были прикреплены к тонкому поясу, набранному из серебряных блях в виде небольших листьев.

Два воина, два побратима, такие разные и вместе с тем такие одинаковые, ценящие превыше всего ЧЕСТЬ и ПРАВДУ. Не ту правду, которую исковеркав и извратив, теперешние лидеры их народов пытаются навязать всем остальным. А ту, которую им принес их ЛИДЕР, их ВОЖДЬ, их ИМПЕРАТОР, который сейчас наверняка сидит по правую руку от Парона* в дружинном доме вместе с остальными своими воинами. А им прислуживают погибшие от их руки враги.

— Какую страну загубили, ублюдки! — зло сплюнул розовую от крови слюну себе под ноги урукхай и в недоумении поднял густые брови. Уж от этого плевок балкон обязательно должен был рухнуть, но этого не случилось.

— Марук, веди себя прилично, — слегка улыбнувшись, произнес альв. На фоне грубого и хриплого голоса урукхая его голос был чистым и звонким, словно бегущий с вершин Андейского хребта горный ручеек.

— Прилично, Галион? Прилично? — вскипел воин. — Предки этих неотесанных вождишек, каждый из которых видит себя сейчас преемником Криса Великого, еще недавно срали себе на пятки, едва отойдя от семейного шатра. Подтиралась пятерней и ей же лезли в общий котел, чтобы выловить из него лучший кусок мяса. После всего этого начинали выковыривать из зубов грязными от своего же дерьма ногтями остатки пищи. И так жили поколения и поколения, ничего не меняя. Думали лишь о том, как бы набить себе брюхо, захватить в набеge хорошую добычу, задрать подол девке да чтоб были тучные стада. Это я об урукхаях. Да и альвы не лучше, что темные, что светлые. Снобы. Вид постоянно такой, как будто все в этом мире им должны, должны лишь потому, что они ходят с ними по одной земле и дышат с ними одним воздухом. Причем это касается не только других народов, но и своих соплеменников.

Урукхай зло махнул рукой и замолчал, вперив свой взгляд вдаль.

— Что же ты замолчал? — через некоторое время задал ему вопрос альв. — Ты забыл дать характеристику еще гномам, северянам, людям, гоблам.

* П а р о н — бог воинов в пантеоне Тивалены.

— Отстань, Галион, ты понял, о чем я хотел сказать, — угрюмо ответил воин, а потом, вытянув руку в противоположную от равнины сторону, произнес: — Вот их благодарность нашему вождю за то, что он показал им, как надо жить.

Старик и альв непроизвольно повернули головы в указанном направлении, где в голубое небо поднимались густые клубы черного дыма: горела столица их погибшей Родины, последний оплот Правды.

— Мудрейший, — после довольно продолжительного молчания, в течение которого они просто стояли и смотрели на то, как превращается в пепел самый красивый город Тивалены, сказал Марук. — Мы что пришли-то, владыка мертв, тени, его личные телохранители, пали вместе с ним. От Золотого имперского легиона остались только мы с Галионом. Гвардейцы не предали Правды и остались там под стенами столицы, щедро полив своей кровью окрестные земли. Про другие легионы ничего неизвестно, скорее всего, их уже тоже не существует. Да и ты, Мудрейший, как я вижу, успел повоевать, судя по виду твоей башни.

Впервые за все это время, что троица стояла на балконе, старик в балахоне наконец заговорил.

— Эти неучи, возомнившие себя великими магами, тоже захотели власти, — грустно, с какой-то усталостью в голосе, произнес пожилой человек. — Все мои соратники были отравлены или подло убиты в спину. Меня тоже пытались отравить, но слишком долго я живу, для человека конечно, в этом мире, чтобы умереть от яда.

— Мудрейший, — усмехнулся альв. — Среди моих сородичей тоже мало найдется ваших сверстников.

— Спасибо, Галион, — на лице старого мага появилась ответная усмешка. — Не знай я тебя с младых лет, подумал бы, что ты мне льстишь.

— А что с магами-то? — спросил Марук.

— А нет больше магов, воин, я уничтожил их всех, а те, кто остался — просто недоучки и шарлатаны.

Маг неожиданно замолчал и закрыл глаза. Урукхай, раскрывший было рот, чтобы что-то спросить, был решительно остановлен альвом, который подошел к нему и, опустив на плечо здоровую руку, отрицательно покачал головой. Нако-

нец затянувшаяся тишина была прервана глубоким вздохом старого человека. И это был вздох не обреченного разумного, а нашедшего в сожженном под корень лесу живой зеленый росток. По щекам быстро пробежали две кристально чистые слезы, спрятавшись в густой седой бороде.

— Слушайте меня, воины, — открыв глаза, ясным, чистым голосом заговорил Мудрейший. — Все вы знаете, что я прожил очень долгую жизнь. И прожил, как мне хочется верить, достойно. За это боги мне на мгновение приоткрыли завесу, отделяющую нас от грядущего.

Урукхай и альв обратились в слух, а маг продолжил, как будто читал какое-то древнее пророчество:

— Придет на Тивалену разумный. Он будет немного похож и на человека, и на альва, и на урукхай, и на гнома. И в то же время сильно будет от них отличаться. Он даст вторую жизнь волкам. Возрожденные кровью встанут за его спиной. Воин и правитель. Добрый с друзьями и беспощадный с врагами. Он прольет реки своей и чужой крови, чтобы сохранить то, что осталось, а потом возродить на пепелище жизнь.

Старый маг хотел сказать еще что-то, но замолчал, и его слушатели не пытались его торопить. Наконец он закончил:

— Это последний шанс для нашего мира, друзья, в противном случае он скатится в такие дебри, что жизни в нем не будет никому. У вас есть сегодняшний день и вся ночь, чтобы убраться подальше от окрестностей столицы, — но взглянув на поднявшееся светило, покачал головой. — Нет, не успеете.

— Почему ты нас хочешь отправить от себя, Мудрейший? — спросил альв. — Мы воины-гвардейцы и бегать, показывая спину врагу, не умеем.

— Да, — поддержал его урукхай.

— Ты не прав, Галион, — покачал головой Мудрейший. — Вспомни, о чем говорил Крис Великий. Можно проиграть сражение, но выиграть войну. Мы проиграли сражение, но война продолжается до тех пор, пока жив хотя бы один солдат. Это тоже говорил он.

— Я помню его слова, но к чему ты их именно сейчас говоришь?

— А к тому. Я телепортирую тебя и Марука за Великую*, а потом активирую артефакт Судного дня.

— Но ведь это верная гибель, даже для тебя, — воскликнул альв.

— Да, но зато я выжгу всю гниль, которая сейчас расплзлась по этим когда-то прекрасным землям. И не перебивай меня больше, я принял решение, — увидев, что альв собирается снова что-то сказать, осадил его старик. — Ваша же задача состоит в том, чтобы разумные не забыли Правду и чтобы тому, кто придет, не пришлось начинать с нуля. Поклянитесь мне, что вы исполните мою последнюю волю.

Мудрейший взглянул на Галиона и Марука, ожидая их решения. Переглянувшись, воины синхронно опустили на правое колено.

— Я, Марук эн'Тейп Вихор, перед взором Парона, своей честью и духами предков клянусь выполнить последнюю волю Мудрейшего.

— Я, Галион эн'Тейп Изумруд, перед взором Парона, своей честью и Первоматерью** клянусь выполнить последнюю волю Мудрейшего.

Произнеся слова клятвы, побратимы встали.

— Ради этого стоит жить, друзья, — улыбнулся, глядя на них старый маг. — Я это точно знаю. Прощайте.

Два гвардейца успели лишь почтительно опустить головы, когда неведомая сила переместила их за сотни и сотни верст от полуразрушенной башни одного из величайших магов Тивалены, которого все называли просто Мудрейшим. А когда они подняли головы, то там далеко на востоке в небеса ударил неимоверно яркий столб света, а еще через некоторое время до них добежала горячая волна раскаленного воздуха.

Разумные Тивалены начали новое летосчисление.

Пошел первый год со времен КРАХА.

* В е л и к а я — самая протяженная и полноводная река Тивалены.

** П е р в о м а т е р ь, М а т ь П р и р о д а — верховное божество альвов.

2??? год. Открытый космос. Орбитальная научно-исследовательская станция «Россия-11»

В центре большого светлого зала с гладкими пластиковыми стенами, в пяти метрах от входной створки, возвышался стеклянный куб, наполненный голубоватой прозрачной желеобразной жидкостью. В его толще плавал молодой парень, от которого отходило огромное количество всевозможных трубочек и проводов. У правой стены, если смотреть от входа, был смонтирован большой голографический экран, перед которым «дирижировал» мужчина с рыжим «вороньим гнездом» на голове, в домашних тапочках на босу ногу и в заляпанном многочисленными пятнами, разнообразными по своей цветовой гамме и форме, когда-то белом халате. Умелые, быстрые руки периодически выхватывали из всевозможных столбцов и диаграмм ведомые только хозяину этого помещения данные, разворачивали их на весь экран, рассматривали, а потом, внося какие-либо изменения или оставив неизменными, возвращали их обратно. При этом тело парня, находившегося в кубе, после некоторых манипуляций рыжеволосого мужчины начинало сокращаться, иногда очень сильно, из-за чего желеобразный раствор щедро выплескивался на отполированный белый пол.

У левой стены стояли небольшой диванчик, пара глубоких кресел, деревянный столик на низких резных ножках с полированной поверхностью и старомодный торшер с обшитым бархатом абажуром, по краям которого висела бахрома. Диван и кресла были обиты натуральной кожей темно-коричневого цвета, которая уже успела немного затереться и приобрести антикварный вид. Весь этот уголок настолько был чуждым всему остальному, что у любого, вошедшего в это помещение впервые, вызывал на какое-то время ступор. У кого короткий, у кого более длительный, во время которого вошедший пытался понять, как ЭТО могло оказаться в лаборатории, оборудованной по последнему слову техники. И только внимательные, умеющие вычленять главное из большого потока визуальной информации, люди могли сразу сказать: это СОКРОВИЩЕ.

В эпоху пластиковой мебели, синтетических материалов и синтезированной еды приобрести такие вещи было очень трудно, практически нереально. И не потому, что натуральных

материалов не осталось. С того времени, как человек вышел в глубокий космос, прошел уже не один век. За это время было обнаружено уже 24 планеты, атмосфера и окружающая среда которых были практически идентичны земным. А помимо этого еще семнадцать планет с близкими к их родной планете характеристиками. И все они населены. На девяти планетах обычные люди, на остальных очень близкие им гуманоиды. И развитие таких планет было разнообразным: от времен великой Римской империи до девятнадцатого столетия по времени Земли. Как это ни странно, но встретиться в космосе с более развитыми расами, чем жители третьей планеты от Солнца, так пока и не удалось. И может быть, это и к лучшему. При встрече двух равных всегда начинают выяснять, кто же все-таки «равнее».

Так что ресурсов было хоть отбавляй.

Вот только некоторые страны, добравшиеся, можно сказать, до дармовщинки, продолжили «доить» планеты, как в свое время Землю. А некоторые, а если точнее сказать Российская империя, наученная горьким опытом, когда от величественной сибирской тайги остались одни пенечки, пошли совершенно другим путем. Хочешь срубить дерево? Да ради бога, но сначала посади или оплати посадку десяти деревьев. Подожди несколько лет, пока они войдут в силу. Представь молодые деревья (если все же сам их сажал и выращивал) или сертификат и чек об оплате их посадки специальной комиссии, что примет их на учет, и только потом получишь разрешение на валку одного дерева, которое определит все та же комиссия. Учет леса уже давно стал на один уровень с учетом радиационных материалов, драгоценных и редкоземельных металлов. Каждое дерево имело свой электронный чип и было занесено в специальный реестр. А его место «проживания» отслеживалось со спутника.

Наплевал на это и все же срубил? Да ты вор, батенька, добро пожаловать в космос, но не космонавтом и первопроходцем неизвестных миров. А на астероиды или планеты, совсем не приспособленные для комфортного проживания, но зато очень богатые редкоземельными металлами и другими ценными полезными ископаемыми. А жизнь там совсем не сахар, и хорошо, если трое из пяти «оттрубит» весь срок и, очистившись перед законом, вернется домой.

Были, конечно, и браконьеры, куда от них деться, но при современных средствах слежения и сыска найти их не составляло ни малейшего труда. Снимки из космоса, позволяющие рассмотреть не только муравья в траве, но и энергетическую ауру человека, заменившую в современном мире отпечатки пальцев, позволяли найти «черных лесорубов», как их называли несколько веков назад, не просто быстро, а очень быстро. Даже непонятно, зачем браконьеры этим занимались, наверное, чтобы сытная и спокойная жизнь была более яркой. Как говорится: адреналиновые наркоманы.

Так что вещи из натуральных материалов были довольно редки, дороги, и позволить их себе мог не каждый гражданин, а тут целый антикварный уголок, более уместный музеем, чем исследовательской лабораторией.

Ну, и если уж зашла речь о Земле, то стоит отметить, что к настоящему времени в мире остались только две полярные силы. Это Российская империя и все остальные. Впрочем, так было всегда. Вот только полярность теперь сместилась к империи. Именно ей принадлежало больше двух третей открытых и освоенных планет. И подход имперцев к освоению вновь открытых планет кардинально отличался от методов других держав. То, что сейчас происходило в этой лаборатории, было одним из этапов освоения открытой недавно сорок второй планеты, на которой существовала разумная жизнь.

Висевший над входной створкой плоский фонарь мигнул красным, и, раскрываясь подобно створкам диафрагмы в старых фотоаппаратах, появился проход, впуская в лабораторию высокого, подтянутого мужчину в черной военной форме.

— Господин генерал, сколько же можно вас ждать? — Резко развернувшись от экрана, мужчина с рыжей копной волос бросился к входящему, широко разведя в стороны свои руки.

Увидев спешащего к нему ученого, военный тоже раскрыл руки для объятий, в которые вскоре и заключил своего давнишнего друга — профессора, академика, лауреата всевозможных премий, в том числе нобелевки, автора сотни открытий, кучи изобретений и прочее, и прочее, и прочее — Смирнова Виктора Андреевича. Друга, настолько давнишнего, что они уже скорее считали друг друга родственниками, чем просто друзьями. Потискав профа в своих крепких объятиях, генерал

наконец взял его за плечи и, отстранив на расстояние вытянутых рук, улыбнувшись, внимательно оглядел.

— А ты не изменился, братишка, вот только пятен на твоём халате после нашей последней встречи стало больше. Ты вообще меняешь свою униформу?

— Да, на сало и картошку. Такие вроде у вас, у солдафонов, шутки приняты? — ответил ученый.

— Фи, милейший, мы, дворяне-офицеры — честь и совесть империи, — притворно поморщившись, начал генерал, но Смирнов его перебил:

— Знаю, знаю. Белая кость, голубая кровь и так далее. А вот по мне так вы все поручики Ржевские, то есть пьяницы, дебоширы и бабники...

— А также опора трона, — закончил военный, и друзья весело рассмеялись.

— Как же я рад тебя видеть, Володь, — еще раз обняв генерала, проговорил проф. — Пойдем, присядем, с делами попозже.

— Согласен, — поддержал его военный.

Друзья направились к уголку релаксации, как называл его Смирнов, где и устроились с комфортом в мягких креслах.

— Подожди секунду, — поднял руку генерал, когда увидел, что проф собирает завалить его кучей вопросов. Затем поднес к лицу левую руку и негромко проговорил в манжету форменного кителя. — Сережа, заноси.

Входная створка снова открылась, и в лабораторию вошел молодой капитан, неся в руках небольшой саквояж. Поставив его рядом с генералом, он молча замер в двух шагах от кресла, дожидаясь дальнейших распоряжений своего шефа.

— До утра свободен, но чтобы утром был как корнишон, — посмотрел на капитана его начальник.

— Господин генерал! — попытался возмутиться подчиненный.

— Иди, мы поняли друг друга, — улыбнулся генерал.

Щелкнув каблуками, капитан развернулся, пряча улыбку в аккуратных темных усиках, и уже через пару секунд друзья снова остались вдвоем.

— Новый ординарец? — кивнув на входную створку, спросил Смирнов.

— Угу, — промычал генерал, который в это самое время с головой зарылся в саквояж. Вскоре из дорожной сумки на полированную поверхность столика стали водружаться различные баночки, кулечки и сверточчки.

— А где прежний? Как там его, Каменский-Бутурлин, кажется?

— Выгнал, к чертям, — разогнулся генерал и поставил на стол литровую бутылку с бело-красно-золотой этикеткой, наполненную прозрачной жидкостью, завершая, таким образом, хаотический натюрморт, образовавшийся на столешнице.

— Что так?

— Понимаешь, Вить, большое количество достойных и образованных предков еще не гарантия того, что их потомок будет им соответствовать. Его потолок — взвод космодесантников, даже на роту он не тянет. А здесь штабная работа, объем информации колоссальный, ну, не тянет он этот воз. А вот кости ломать у него получается на удивление здорово, причем не себе, а другим.

— А его многочисленные родственники? Наживешь врагов на ровном месте.

— Не надо меня пугать врагами. У меня их воз и маленькая тележка, — неожиданно разъярился генерал. Нет, он не кричал и не бил кулаком по столу, но слова он произносил так, словно вбивал гвозди в крышки гробов для своих недоброжелателей. — Я служу, прежде всего, империи. Каждый человек, а сейчас более актуально говорить каждый разумный, должен приносить государству пользу. Не будет академик Смирнов командовать космическим флотом, так же как генерал-полковник Романов Владимир Николаевич никогда не будет совать свой нос в генную инженерию и давать советы ученым, потому что ни хрена в этом не понимает. А тут устроили сынка в теплое местечко, как им думается, а тот сидит ровно и, как говорит мой старший сын, не жужжит. А надо не только жужжать, надо и лапками перебирать и не просто перебирать, а чтобы польза от этого была.

Генерал Романов замолчал, откинувшись на спинку кресла. Видимо, такой разговор был для него уже не в новинку.

— Я просто о тебе и детях беспокоюсь, — после небольшой паузы, проговорил проф.